

ГЛАВА 1

На фестивале Burning Man я попадал в объективы фотоаппаратов едва ли не чаще всех остальных жителей планеты и в то же время успешнее всех в современном мире уходил от непрерывного надзора.

Я поправил бурнус, закрыл нос и рот, подоткнул края под оправу больших исцарапанных защитных очков. Солнце стояло высоко, температура перевалила далеко за сорок, а под расшитым хлопковым шарфом дышалось еще тяжелее. Но порывы ветра поднимали с земли тучи мелкого гипсового песка, обманчиво мягкого, будто тонкая пудра, однако щелочи в нем было столько, что глаза жгло как огнем и кожа покрывалась трещинами. После двух дней в пустыне я понял, что лучше изнывать от жары, чем задыхаться от пыли.

Почти у каждого в руках была какая-либо съемочная техника — большей частью, конечно, мобильные телефоны, но попадались и большие зеркалки, и даже старомодные пленочные фотоаппараты. Была даже настоящая старинная камера с фотопластинами, оператор которой прятался от пыли под огромной черной накидкой — от одного взгляда на нее мне стало еще жарче. Вся техника была надежно защищена от всепроникающей мелкой пыли, чаще всего

самым простым способом — в пакете с застежкой. Именно так я и упаковал свой телефон. Я медленно развернулся, охватывая панораму, и увидел бредущего мимо человека. Он держал за веревочку огромный гелиевый воздушный шар. Тот плыл в сотне ярдов над головами, а снизу к нему была подвешена цифровая видеокамера. Человек с воздушным шаром был совершенно гол.

Ну, не то чтобы абсолютно. На ногах у него имелись ботинки. Я его прекрасно понимаю: пыль, покрывающая пустынную землю, плохо действует на ноги. Эта беда хорошо знакома всему здешнему населению. Щелочная пудра въедается в кожу, высыхает плотной коркой, подошвы трескаются и шелушатся. Ужасно неприятная штука.

Ежегодный фестиваль Burning Man длится всю последнюю неделю августа и заканчивается в День Труда — первое воскресенье сентября. Он проводится в самом сердце штата Невада, в пустыне Блэк-Рок. Там, в невыносимой жаре и пыли, собираются пятьдесят тысяч человек. Они строят огромный город под названием Блэк-Рок-Сити — и все до единого участвуют в фестивале. Назвать кого-нибудь «зрителем» — самое страшное оскорбление. Каждому участнику положено заниматься чем-то интересным и любоваться на то, чем заняты другие, поэтому у всех есть фотоаппараты. На фестивале каждый сам себе актер, режиссер и художник.

Я-то голышом не разгуливал, но все открытые части моего тела были разрисованы хитроумными мандалами. Нарисовать их цинковыми красками предложила мне одна дама возраста моей матери, наряженная в свадебное платье с цветными разводами, и работу свою выполнила на славу. В этом еще одна характерная особенность Burning Man — вся здешняя экономика держится на подарках. Ты просто

разгуливаешь по городу и предлагаешь каждому встречному что-нибудь хорошее, и благодаря этому атмосфера в целом получается удивительно приятная. Нателные рисунки этой художницы выглядели потрясающе, и под прицелами бесчисленных камер я вразвалочку брел по открытой пустыне в сторону Девяти часов.

Блэк-Рок-Сити — вполне современный город: в нем есть общественная санитария (портативные биотуалеты с похабными стишками о том, что внутрь нельзя бросать ничего, кроме туалетной бумаги), электричество и интернет (на Шести часах, в главном лагере посреди кольцеобразного города), что-то вроде правительства (некоммерческая организация, проводящая фестиваль), несколько местных газет (все они гораздо интереснее, чем газеты в реальном мире), дюжина радиостанций и полностью добровольная полиция (рейнджеры Блэк-Рок, обычно патрулирующие в балетных юбочках, цыплячьих костюмах или просто в блестках), а также многие другие блага, привычные для современного мира.

Но вот чего здесь нет, так это государственных систем наблюдения. Ни видеокамер, ни контрольно-пропускных пунктов — разве что билетная касса у главных ворот; никто не спрашивает удостоверения личности, не обыскивает сумки, не обвешивает тебя радиомаячками, телефонные операторы не следят за твоим передвижением. И вообще мобильные телефоны тут не работают. Никто не садится за руль — здесь ездят только диковинные арт-мобили, зарегистрированные в Департаменте машин-мутантов, поэтому на дорогах нет камер, считывающих автомобильные номера, и терминалов для транспондеров. Вайфай всегда открыт и доступен без регистрации. Участники Burning Man дают добровольное согласие не использовать фотографии

в коммерческих целях, и правила хорошего тона требуют спросить у человека разрешения на съемку.

Итак, я в клубах пыли прошелся перед объективами, красуясь и потягивая воду из бутылки, постоянно пристегнутой на поясе. Вода поступала в рот через трубочку, спрятанную под сине-серебристым бурнусом. Я был наблюдателем и при этом находился у всех на виду, находился на виду и при этом ускользал от непрерывного наблюдения, и это было великолепно.

— Эге-ге-гей! — прокричал я сквозь пыльную пелену, обводя взглядом арт-мобили, обнаженных людей и возвышающуюся прямо надо мной исполинскую деревянную фигуру, взгроможденную на вершину пирамиды в этом глухом уголке пустыни. Это и был тот самый Человек*, в честь которого назывался наш фестиваль, и его предстояло сжечь через три дня. Поскорее бы!

— Ты, кажется, в хорошем настроении, — произнес у меня за спиной джава**. Даже со встроенным в защитную маску тон-шифтером, изменяющим тембр звуков, голос закутанного в плащ обитателя песков показался очень знакомым.

— Энджи! — воскликнул я. Нам не удавалось пересечься с самого утра, с той минуты, когда я проснулся на час раньше ее и выскользнул из палатки встречать рассвет (он был потрясающий). После этого мы целый день оставляли друг другу в лагере записки с указанием мест, куда собираемся дальше. Энджи трудилась над костюмом джавы все лето, шила его из охлаждающих полотенец, которые задерживают испаряющийся пот и направляют его обратно на тело, что-

* Burning Man дословно с английского «горящий человек».

** Персонаж из фильма «Звездные войны».

бы он испарился снова. Вручную выкрасила балахон коричневыми пятнами, сшила из него что-то вроде монашеской рясы, перетянула ремнями крест-накрест. Перевязь подчеркивала ее груди, придавая всему наряду необычайно воинственный вид. Она еще не надевала свой костюм на публике и сейчас, под палящим солнцем, прекрасно вписывалась в пейзаж, весьма эффектно воплощая образ обитателя пустынь с планеты Татуин. Я обнял ее, и она в ответ стиснула меня руками с такой силой, что перехватило дыхание. Таково было ее фирменное приветствие в борцовском стиле.

Когда мы расцепились, она промолвила через тоншифтер:

— Я на тебе краску размазала.

— А я тебе наряд перепачкал, — отозвался я.

— Ну и что! — пожала плечами она. — Все равно мы выйдем отпадно. А теперь рассказывай, где ты побывал, что повидал и чем занимался, дружок.

— С чего начать? — сказал я.

Весь день я бродил по радиальным улицам, рассекавшим город, и рассматривал выстроившиеся вдоль них большие лагеря. В каждом творилось что-нибудь интересное. В одном лагере целая шеренга народу расторопно готовила для всех желающих фруктовый лед, вырубая его скребком из огромных ледяных блоков. В другом лагере установили высокую горку из линолеума, с которой можно было скачываться на пластиковом волшебном ковре, а чтобы лучше скользило, выливали на линолеум по галлону сточных вод. Если вдуматься, весьма разумный способ избавиться от серой воды, то есть от такой, в которой принимали душ, мыли посуду или руки; черной водой называлась та, куда попали моча или фекалии. Еще одно из правил Burning Man гласило: «Не оставляй следов» — уезжая, мы заберем с собой все,

что останется от Блэк-Рок-Сити, в том числе серую воду. Но на горке серая вода энергично испарялась, а каждая капля жидкости, превратившаяся в пар, означала, что придется упаковывать и вывозить в Рино на одну каплю меньше.

Еще там был лагерь извращенцев, которые обучали пары связывать друг друга; была «дырка во славу фастфуда» — приложив к ней рот, вы получали порцию таинственной нездоровой еды (мне достались какие-то переслащенные хлопья для завтрака, обильно сдобренные кокосовыми «зефиринками» в форме астрологических символов). Еще в одном лагере бесплатно предлагали напрокат плайябайки — дешевые велосипеды, покрытые спекшейся пылью и разукрашенные глиттером, искусственным мехом, странными амулетами и колокольчиками. В чайном домике меня угостили изысканной чашечкой чая какого-то японского сорта, о котором я никогда не слышал, — оказалось очень вкусно и крепко. Одни лагеря заманивали всевозможными диковинками, другие рассказывали о физике, в третьих демонстрировались оптические иллюзии, в четвертых люди просто жили, был даже детский лагерь с визжащей ребятей, которая под ненавязчивым присмотром взрослых увлеченно носилась сломя голову в какой-то подвижной игре — я и не догадывался, что все это существует.

А ведь я успел увидеть лишь малую часть Блэк-Рок-Сити.

Я рассказал Энджи все, что сумел вспомнить, а она только ахала и охала да расспрашивала, где что находится. Потом рассказала мне о том, что видела сама: о лагере, где женщины топлес разрисовывали друг другу груди; о другом лагере, где выступал целый духовой оркестр; и еще об одном, где средневековая катапульта стреляла старыми разбитыми пианино, а публика, затаив дыхание, в полной

тишине ждала, пока каждый снаряд с великолепным мелодичным грохотом разобьется вдребезги о твердую землю пустыни.

— Нет, ты можешь поверить, что мы здесь? — спросила Энджи, восторженно подпрыгивая на месте, отчего перевязь на ее груди позвякивала.

— А ты можешь поверить, что мы чуть было не пропустили это?

Я давно уже собирался съездить посмотреть, как сжигают Человека — ведь я все-таки вырос в Сан-Франциско, городе с самой большой на свете концентрацией фестивалщиков. Но подготовиться к участию оказалось не так-то просто. Во-первых, надо было собрать и упаковать все, что понадобится для жизни в лагере посреди пустыни, в том числе воду, а потом упаковать заново и увезти с собой все, что не осталось в передвижных биотуалетах. А правила насчет того, что можно оставлять, а чего нельзя, чрезвычайно строги. Во-вторых, экономика, основанная на подарках, накладывает обязательства — прикинуть, могу ли я взять в пустыню что-нибудь, что пригодится другим. А еще позаботиться о костюмах, о художественной стороне дела, о том, какие изобретения я покажу народу... Стоило мне задуматься об этом, и всякий раз дело заканчивалось нервным срывом.

Но в этом году я наконец-то справился. Год выдался непростой — и папа, и мама потеряли работу. А мне пришлось бросить колледж, чтобы не увязнуть в студенческих кредитах. Я стучался во все двери, просил хоть какую-нибудь — люблю! — оплачиваемую работу, и чего я добился? Ничего.

— Не надо недооценивать решимость детей, у которых мало денег и много свободного времени, — торжественно

произнесла Энджи, одной рукой сдернула с лица маску, а другой притянула меня, чтобы поцеловать.

— Гениальная фраза, — похвалил я. — Напечатай ее на футболке.

— Да, кстати, — спохватилась она. — Чуть не забыла. У меня же есть футболка!

Энджи распахнула балахон и продемонстрировала ярко-красную футболку с надписью «Сделай красивую вещь и сожги ее», стилизованной под постеры со знаменитым английским девизом «Храни спокойствие и действуй как обычно», где вместо короны красовался логотип Burning Man.

— Очень своевременно, — поморщился я и зажал нос. Это было шуткой лишь отчасти. В последнюю минуту мы решили оставить дома половину одежды, которую планировали взять с собой, чтобы уместить в рюкзаки как можно больше деталей для «Секретного проекта X-1». С учетом этого, а также того обстоятельства, что ванну мы принимали квадратно-гнездовым способом, раз в день кое-как вытирая детскими салфетками самые толстые слои засохшего пота, краски для тела, солнцезащитного крема и различных жидкостей, легко понять, что благоухали мы не розами.

Она пожала плечами:

— Плайя дарит.

Это был один из лозунгов Burning Man, который мы усвоили в первый же день, когда выяснилось, что мы оба, понадеявшись друг на друга, не захватили солнцезащитный крем. Назревала ссора, но в этот миг на глаза нам попался Солнцезащитный лагерь, где добрые люди вымазали нас с ног до головы средством с SPF 50 и выдали с собой по несколько тюбиков. «Плайя дарит!» — сказали они и пожелали нам всего доброго.

Я обнял ее за плечи. Энджи выразительно повела носиком у меня под мышкой и демонстративно натянула на лицо маску.

— Пойдем! Посмотрим храм, — предложила она.

Храм был громадный, с двумя широкими этажами, весь испещренный башенками и арочными контрфорсами. Внутри его наполняло звучание автоматических тибетских гонгов, целый день исполнявших странные лязгающие мелодии. Я видел этот храм издали утром, когда прогуливался вокруг плайи — центральной площади фестиваля, — глядя, как солнце постепенно окрашивает песок в ржаво-оранжевый цвет, но так и не успел подойти поближе.

Наружные крылья храма находились под открытым небом и были построены из таких же бревен, что и прочие детали этого витиеватого шедевра архитектуры. Вдоль стен тянулись скамьи, а сами стены пестрели нишами и укромными закутками. И всё вокруг до последнего сантиметра было покрыто надписями, вывесками, постерами и рисунками.

И почти все они были посвящены покойным.

Мы с Энджи шли вдоль стен, читая некрологи, написанные или прямо на стенах, или приколотых к ним листках. Энджи тихо ахала. Я углубился в рукописное послание страниц на тридцать, оставленное взрослой женщиной своим родителям — в нем она подробно рассказывала, как они постоянно ранили ее, унижали, загубили ей жизнь, о чувствах, охвативших ее при их смерти, о том, как безумие, вложенное ими ей в душу, разрушило не один ее брак. Накал эмоций простирался от бешеной злости до тихого раздражения, от гнева до печали, то взлетал, то падал, будто на американских горках. Мне было неловко, словно я подглядываю за сценой, которую видеть не должен, однако все,

что было вывешено в храме, предназначалось для всеобщего обозрения.

Каждый клочок храмовых стен посвящался чьей-либо памяти. Детские ботиночки, портреты бабушек, пара костылей, ковбойская шляпа с лентой, сплетенной из засушенных цветов. Фестивальщики — одетые и раздетые, словно в безумном апокалиптическом цирке, — торжественно расхаживали среди некрологов, читали их, у многих по лицу струились слезы. Вскоре слезы выступили и у меня на глазах. Я даже не предполагал, что эти мемориалы могут так растрогать меня. Тем более что всему этому предстояло сгореть воскресной ночью, перед тем как мы свернем Блэк-Рок-Сити и разъедемся по домам.

Энджи села в песок и стала пролистывать альбом с темными, мрачными иллюстрациями. Я забрел в главный храмовый атриум — высокий и полный воздуха, с гонгами на стенах. Здесь яблоку было негде упасть: люди сидели и лежали плечом к плечу, закрыв глаза, проникаясь торжественной печалью момента, кое-кто еле заметно улыбался, кое-кто плакал, у некоторых лица застыли в величайшей безмятежности.

Я как-то пытался медитировать в школьном театральном кружке. Получалось не очень. Многие ребята беспрерывно хихикали. Из-за дверей доносились крики. На стене громко тикали часы, напоминая, что вот-вот раздастся звонок и в коридор с ревом и топотом вырвется многотысячная толпа ребят, спешащих на следующий урок. Но я много читал о медитации и знал, что это дело полезное. В теории все выглядело очень легко: надо просто сесть и ни о чем не думать.

Я так и попробовал. Передвинул пояс с инструментами так, чтобы мне в задницу ничего не впивалось, дождался,

пока на полу появится свободное местечко, и сел. Из высоких окон пробивался солнечный свет, в его серовато-золотистых острых лучах плясали пылинки. Я стал всматриваться в один из таких лучей, потом закрыл глаза. Мысленно нарисовал сетку из четырех квадратов, пустых и белых, с толстыми черными рамками и резкими углами. Мысленным взором стер один квадрат. Потом второй. Потом третий. Остался всего один, я стер и его.

Теперь перед глазами не было ничего. Я не думал ни о чем, буквально. Потом задумался над фактом, что я сейчас ни о чем не думаю, мысленно поздравил себя и сообразил, что я опять о чем-то думаю. Снова нарисовал себе четыре квадрата и начал все сначала.

Не знаю, долго ли я так сидел, но временами начинало казаться, что весь мир улетает куда-то далеко и при этом становится даже более реальным, чем прежде. Я находился строго в нынешнем текущем мгновении, не пытался предугадать, что последует дальше, не пытался вспоминать то, что уже произошло, просто жил здесь и сейчас. И каждое такое мгновение длилось всего долю секунды, однако каждый из этих фрагментарных моментов был... это было нечто.

Я открыл глаза. Дыхание установилось в ритме звучащих гонгов, медленное, размеренное. В задницу что-то врезалось — наверно, один из моих инструментов с пояса. У девчонки впереди меня на лопатке темнело комплексное уравнение, обожженная солнцем кожа припухла, складываясь в отчетливые математические символы и цифры. От кого-то пахло травкой. Кто-то тихо всхлипывал. Снаружи, за стенами храма, кто-то кого-то окликал. Кто-то смеялся. Время струилось вокруг меня медленно и липко, как патока. Ничто не казалось важным, и все казалось

удивительным. Вот именно этого я, сам того не зная, искал всю свою жизнь. Я улыбнулся.

— Привет, М1кзу, — прошипел мне в ухо чей-то голос. Очень тихий, он был совсем рядом, губы касались моего уха, дыхание щекотало шею. И голос тоже щекотал меня, щекотал мою память. Я его узнал, хотя и не слышал очень давно.

Медленно, будто жираф высотой с дерево, я повернул голову и огляделся.

— Привет, Маша, — отозвался я. — Вот уж не ожидал увидеть тебя здесь.

Она положила ладонь мне на руку, и мне вспомнилось, как в последнюю нашу встречу она ловким приемом из каких-то боевых искусств выкрутила мне запястье. Но вряд ли сейчас ей удастся заломить руку мне за спину и на цыпочках вывести из храма. Если я закричу и позову на помощь, тысячи фестивальщиков... нет, конечно, на куски ее не разорвут, но хоть что-то сделают. Похищать людей на плайе запрещено правилами. Об этом сказано в Десяти заповедях, я почти уверен.

Она потянула меня за руку:

— Пойдем отсюда. Живей.

Я встал на ноги и поплелся за ней, совершенно добровольно, и, хотя меня и трясло от страха, все же внутри вспыхнул огонек радостного волнения. Одно дело — когда это происходит здесь, на Burning Man. А пару лет назад я оказался в самой гуще таких волнений, каких никому не пожелаешь. Я возглавил технологическую партизанскую войну против Департамента внутренней безопасности, встретил девушку и полюбил ее, был арестован и подвергнут пыткам, достиг славы и судился с правительством. А потом жизнь почему-то покатила под горку. Ватербординг — ужасная,

страшная, невообразимая пытка, она до сих пор снится мне в кошмарах, но все-таки эта пытка закончилась. А вот медленное сползание родителей в банкротство, суровая реальность жизни в городе, где нет работы ни для кого и уж тем более для полуквалифицированного недоучки вроде меня, со студенческим кредитом, который я должен был выплачивать каждый месяц, — это *осталось*. Бездна несчастий с каждым днем развиралась все шире и не думала никуда уходить. И это не был накал страстей, какой бывает в рассказах о войнах, случившихся давным-давно. Это была просто реальность — ни больше ни меньше.

И реальность эта была хуже некуда.

Потому я и побрел за Машей — ведь она почти все эти два года провела в подполье вместе с Зебом, и, что о ней ни говори, жизнь всегда подкидывала ей самые невообразимые сюжеты. Возможно, ее реальность тоже была полна несчастий, однако несчастья эти были начертаны огромными, яркими неоновыми буквами, а не мелким корявым почерком сломленного подростка, царапающего что-то в дневнике.

Вслед за Машей я вышел из храма. Ветер поднялся еще сильнее, над нами нависла настоящая белая мгла, я снова надел очки и натянул повыше шарф. Даже со всей этой защитой я почти ничего не видел, и с каждым вздохом рот наполнялся едким вкусом засохшей слюны и толченого гипса, которым был пропитан бурнус. Волосы Маши уже не сияли ярко-розовым цветом, они стали светло-русскими, мышастыми, словно поседевшими от пыли, и торчали во все стороны — такую стрижку легко сделать ножницами себе самой. Я и сам в период взросления частенько щеголял с такой прической. Она осунулась, кожа на скулах натянулась, как бумага. На шее шнурами играли мускулы, по щекам ходили

желваки. С последней нашей встречи она сильно похудела, кожа задубела и стала коричневой — такой оттенок нельзя получить, просто загорая на солнце.

Мы отошли от храма всего шагов на десять, но он уже скрылся в песчаной пелене, словно отдалился на добрую милю. Рядом кто-то был, но я не мог разобрать ни слова, они терялись за зловещим завыванием ветра, вырывавшегося из окон храма. Крохотные песчинки забились под оправу очков и прилипли к потным щекам, от этого заслезнились глаза и потекло из носа.

— Ну вот мы и ушли достаточно далеко. — Маша отпустила мое запястье и сложила руки на груди. Я заметил, что кончики пальцев на ее левой руке неестественно деформированы и сплющены, и отчетливо вспомнил, как прищемил ей пальцы дверью фургона, когда она погналась за мной. В тот миг она собиралась насильно увезти меня неведомо куда, а я пытался сбежать, прихватив доказательства того, что мой лучший друг Дэррил был схвачен Департаментом внутренней безопасности. У меня до сих пор стоит в ушах ее вскрик, полный удивления и боли, когда дверь обрушилась ей на пальцы. Маша поймала мой взгляд, отдернула руку и понижше натянула рукав широкой хлопковой блузы.

— Как делишки, М1кзу? — спросила она.

— Меня нынче зовут Маркус, — ответил я. — Делишки идут лучше. А у тебя? Не могу сказать, что ожидал увидеть тебя снова. И уж тем более на Burning Man.

Вокруг ее глаз под очками разбежались морщинки, валь зашевелилась, и я понял: она так смеется.

— А что такого, М1кзу? Ой, то есть Маркус. Здесь мне тебя проще всего было отыскать.

Я не скрывал, что в этом году планирую посетить Burning Man. Месяцами я постил отчаянные призывы «Подвезите